

УНИВЕРСИТЕТ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА (1907–2007)

Р. Томашевский

Томашевский Р. Университет як чинник консолідації польського суспільства та держави (1907–2007). Шкільні страйки у 1907 році в польській частині Німеччини та Росії змусили молодих поляків емігрувати за кордон з метою отримати там освіти. У Галичині польськомовні вищі навчальні заклади сформували нову еліту, яка спільно з польськими випускниками західноєвропейських університетів стала основним чинником, що об'єднав суспільство навколо ідеї відновлення державності. У відродженні Другої Речі Посполитої академічні кола стали своєрідною протигагою авторитарному правлінню у 1926–1939 роках. Кількість університетів збільшилася з 8 до 32, а рівень навчання можна було порівняти із світовими вузами. Після 1945 року швидке відновлення польських вузів та консолідація академічної спільноти стали на заваді комуністам у їх спробах реформувати вищу освіту. Окрім того, після 1956 року розширилася автономія польських університетів, попри безпорядки у 1968 р. Військовий стан і розкол «Солидарності» призвели до того, що майже до 1989 року функції громадської та політичної опозиції перейняла на себе академічна спільнота. Таким чином, цей прорив – заслуга в т.ч. польських еліт, що в подальшому призвело до зростання кількості університетів та виникнення академічного капіталізму. Спроби зменшити вузівську автономію у 2005–2007 рр. стимулювали академічну спільноту, посприявши поразці партії ПіС на виборах 2007 р. Університет та еліти з перспективи майбутнього є важливіші для суспільства, аніж окремі державні інститути, матеріальні або економічні ресурси чи збройні сили. З цієї точки зору приклад Польщі підтверджує сформульовані у статті тези, а також наводить на думку, що вузи виконують ще й іншу функцію – підтримують процеси демократизації у суспільстві.

Ключові слова: соціальна консолідація; академічне середовище; держава; демократія; університет.

Томашевский Р. Университет как фактор консолидации польского общества и государства (1907–2007). Школьные забастовки в 1907 году в польской части России и Германии вынудили молодых поляков эмигрировать с целью обучения за границей. В Галиции польскоязычные вузы сформировали новую элиту, которая вместе с польскими выпускниками западноевропейских университетов превратилась в фактор, объединяющий общество вокруг идеи возрождения государства. В возрожденной Второй Речи Посполитой академические круги стали противовесом авторитарному правлению в 1926–1939 годах. Количество университетов увеличилось с 8 до 32, уровень обучения был сопоставим с мировыми вузами. После 1945 года быстрое восстановление польских университетов и консолидация академического сообщества помешали коммунистам реформировать высшее образование. Более того, после 1956 года автономия польских университетов была расширена, несмотря на беспорядки в 1968 году. Военное положение и раскол «Солидарности» привели к тому, что вплоть до 1989 года академическое сообщество взяло на себя функции общественно-политической оппозиции. Таким образом, осуществленный прорыв стал также заслугой польских элит, приведя к быстрому увеличению количества университетов и возникновению академического капитализма. Попытка уменьшить автономию университетов в 2005–2007 годах стимулировала академическое сообщество и способствовала краху правительства ПиС в 2007 году. Университет и элиты, с точки зрения будущего, более важны для общества, чем государственные институты, материальные или экономические ресурсы, или вооруженные силы. С этой точки зрения пример Польши подтверждает тезисы, изложенные в статье, а также наводит на мысль о третьей функции вуза: поддержка процессов демократизации в обществе.

Ключевые слова: социальная консолидация; академическая среда; государство; демократия; университет.

Tomaszewski R. University as a Factor of Consolidation of Society and Polish State (1907–2007). The school strikes in the Polish part of Russia and Germany that took place in 1907 forced young Poles to educational emigration. In Galicia, Polish-language academic institutions have developed a new elite. Together with Polish graduates of Western European universities turned out to be the main factor consolidating society around the idea of rebuilding the state. In the revived Second Republic of Poland, academic

circles proved a counterbalance to autocratic rule in 1926-1939. The more so because the number of universities increased from 8 to 32 and they represented a high, world class level of education. After 1945, the rapid reconstruction of Polish universities and the consolidation of the academic community prevented the communists from taking over higher education. In addition, after the turn of 1956, the autonomy of Polish universities was expanded despite the riots in 1968. Martial law and the breakdown of *Solidarność* resulted in taking over the function of socio-political opposition by academic circles up to 1989. In turn, the breakthrough made at that time was also thank to Polish elites, but at the same time led to a rapid development of the number of universities and the birth of academic capitalism. An attempt to violate the autonomy of universities in 2005-2007 has stimulated the academic community and contributed to the collapse of the PiS government in 2007. The University and the elites educated in them are in the long run more important for society than the institution of the state, material or economic resources, or armed forces. From this perspective, the Polish case confirms the proposed thesis and the visibility of the third function: supporting democratization processes in the state of society.

Keywords: social consolidation; academic environment; state; democracy; university.

Ранняя история университета связана с поддержкой церкви, которая парадоксальным образом привнесла демократические ценности в феодальное общество. Доступ к знаниям и образованию тогда был более легким, чем в XIX веке, поскольку это осуществлялось путем продвижения по общественной лестнице, плюс происходило становление светской христианской элиты и одновременно космополитической Европы¹. Реформация и религиозные распри привели к кризису университета как института, а также к возникновению конкурентных образовательных учреждений, где обучалась светская элита XVII и XVIII веков. Апогей этого процесса пришелся на 1763–1793 гг., когда происходят перемены в высшем образовании Франции, и совпал по времени с импульсом Просвещения. Рожденные современности, социально-культурной формации, а также современных государств после наполеоновской эпопеи стали катализатором перемен в университетских учреждениях. Прототипом послужил Берлинский университет, который уже в середине XIX века превратился в эталонный образец университетского образования элит. Данная современная модель университета опиралась на неформальные правила. Их суть состояла в определенном обмене: взамен подготовки кадров для государства (в форме академического образования), власть поддерживала университеты, гарантировала им независимость и автономию, а также материальную поддержку. При этом правила игры были одинаковыми для всех участников².

Родословная элит, необходимых для консолидации европейских обществ XIX столетия (главным образом в форме национальных государств), имела образовательный характер. Тем самым падали значение и роль дворянской элиты. В ходе социальной или технологической модернизации именно образованность социальных слоев (которые отвечали за формирование общественного мнения) все больше начинает определять организацию эффективных государственных структур. Образцом в данном случае можно назвать Пруссию, далее Германскую империю (например, гиндлерское движение). Сравнительно поздно эти процессы начались в Российской империи. Недостатки системы, специфика пространственного и социального конгломерата в царской России ограничивали темпы прироста образования элит, несмотря на все старания Александра II и попытки реорганизации высшей школы после Крымской войны³. Российские университетские уставы 1863 и 1884 годов не смогли привнести в российскую систему образования модель современного университета. По сравнению с немецкоязычными территориями, академический потенциал Российской империи составлял около 1/3 немецкого. Более того, идею университета в России крайне сильно ущемляли, опасаясь деструктивного влияния интеллигентуально независимых элит, эффективности развития и т.п.⁴.

Идею партнерской связи современного университета и государства не смогли реализовать на польских землях до 1918 года. Ведь польского государства тогда не существовало. Институциональные предпосылки, однако, имелись. Основная из них – это автономия Галиции в рамках австро-венгерской монархии, благодаря чему с начала 1860-х годов стало возможным полонизировать вузы и обеспечить их динамическое развитие. В остальных странах-агрессорах русификация польских подданных (в Российской империи) или германизация поляков (в Германской империи) сильно усложняли развитие польской элиты. Немало выпускников польских средних школ принимали решение поехать учиться за рубеж,

в вузы Западной Европы, нередко делая там научную карьеру⁵. Описываемые процессы в образовании сформировали польскую интеллигенцию как группу социального и интеллектуального сопротивления по отношению к враждебному государству⁶.

Сильная напряженность, имевшая место на польских землях в 1907–1908 годах, привела к волне школьных забастовок в польской части России (1907 г.), а также к увеличению сопротивления польской образованной прослойки в Германии (1901–1908 гг.). Забастовки польской академической и школьной молодежи были подавлены российской и немецкой администрациями, вследствие чего произошла образовательная эмиграция молодых поляков в средние и высшие школы Галиции. В результате вузы Кракова и Львова превратились в место концентрации молодой польской интеллигенции со всех оккупированных польских территорий. Это очень важный рубеж (1907) в процессе формирования польской группы лидеров, именно поэтому я начинаю анализ материала с этой даты. Польская элита, получившая образование до 1918 года преимущественно в Галиции, стала главным фактором консолидации польского общества, а затем и восстановления польского государства. Возрождение Польши спустя 123 лет после ее завоевания, прежде всего, стоит воспринимать как иррациональное явление, поскольку на фоне диспропорции сил и потенциала, польская интеллигенция имела полный успех.

Верхняя граница (2007 г.) связана с двумя социальными процессами, которые представляют угрозу описанным выше партнерским отношениям между польским государством и академическим сообществом. Первый процесс связан с последствиями принятия *Закона о высшем образовании* от 2005 года, а также его новеллизацией в 2007 году. Оба закона принудительно имплементировали Болонский процесс (в его дословном понимании) в польские университеты, несмотря на их нежелание принимать нововведение. Данный фактор и последующий за ним процесс тотальных перемен до сегодняшнего дня разделяет государственный административный центр управления и вузовское сообщество. Второй фактор – попытка весной 2007 года провести тотальную антикоммунистическую люстрацию всех академических преподавателей, что вызвало соответствующее сопротивление преподавательского сообщества, его консолидацию. В результате партия *Право и Справедливость* (ПиС, *Prawo i Sprawiedliwość*), которой руководили братья Качинские, осенью 2007 года проиграла выборы и потеряла власть. Хронологические границы, принятые в статье (1907–2007), по сути затрагивают все XX столетие. Тем не менее, их стоит понимать достаточно условно, поскольку далее мы имеем дело с очередными попытками реформировать польские университеты в 2011–2014 годах (так называемая реформа министра Барбары Кудрицкой), а также в 2016–2020 годах (так называемая реформа министра Ярослава Говина, которую сам Говин называет «конституция для науки»).

Отмечу, что 1907 год также очень важен по причине выхода в свет в Санкт-Петербурге двухтомника *«Университет и наука»*. Его автор – поляк, знаменитый юрист и создатель психологической теории права, профессор Лев Петражицкий. После 1918 года и побега из Советской России Петражицкий продолжил свою деятельность в Варшавском университете, где его учеником и последователем стал профессор Чеслав Знамеровский (*Czesław Znamierowski*)⁷. В наследии обоих знаменитых профессоров прослеживается четкий акцент в виде триады «университет – элита – государство». Петражицкий ссылался также на профессора Юзефа Дитля и его выступление в 1861 году. Дитль был ректором Ягеллонского университета и автором образовательной реформы в Галиции. В своем выступлении Дитль обратил внимание на идею развития университетов в Галиции в качестве центров развития польской элиты для всех трех частей разделенной Польши. Особенно стоит отметить его мысль, что политику можно преподавать в университете, но не исполнять⁸. Именно в академической среде Галиции в 1907 году появились военизированные организации школьной и академической польской молодежи при поддержке профессоров. Их цель заключалась в восстановлении польского государства, организации носили наднациональный характер. Начиная с 1911 года движение явно вышло за пределы польских земель. В изгнании возникали отряды польского «Сокола» или скауты. Один из таких отрядов действовал в Харькове под руководством Леона Бербецкого – будущего генерала польской армии⁹. Подобные организации также объединяли польских студентов, которые учились в западных вузах и тоже вносили лепту в процесс консолидации элит. Образова-

ние стало важной ценностью, как для нищавшей польской шляхты, так и для студентов из других социальных групп. За фасадом относительно массового социально-образовательного движения скрывался возникший позднее «миф об университете», т.е. об организации, которая позволяла полякам эффективно сопротивляться в жизненных перипетиях – в двух мировых войнах, в период немецкой и советской оккупации, а также побороть зависимость послевоенной Польши от СССР.

Годы «Большой войны» (1914–1918) превратились для польской элиты в своеобразный инструмент проверки на лояльность к государствам-агрессорам. Наличие подданства одного из государств требовало от поляков участия в различных повинностях, связанных с войной (например – в качестве военных офицеров). Польская интеллигенция, несмотря на непринятие агрессора, проявляла лояльность; положение не изменилось даже в нередких случаях давления со стороны российских или немецких властей¹⁰. Только после 1917 года, когда под контролем немецких монархий был создан заменитель польского государства (Царство Польское), а в Варшаве создали Лигу польской государственности (общепольскую организацию интеллигенции), отношение оккупантов постепенно начало меняться. Переломным моментом оказался так называемый «брестский мир» (3.03.1918 г.), который позволил подписать мирное соглашение с государствами, образованными на руинах Царской империи (Советская Россия и Украинская Народная Республика).

Этот процесс происходил вне польского общества и вопреки его мнению. Реакция польской элиты и общества в целом не заставила себя ждать. Этот мир означал очередное территориальное разделение польских земель. В польской библиографии его называют «очередным четвертым разделом Польши». На самом деле, представители польской стороны были отстранены от описываемых событий. Поляки не стали тогда формально субъектом международного права. Однако политический потенциал, выставленный польской элитой в государствах-агрессорах, особенно – на территориях, которые оказались под протекторатом коалиции (Франции, Англии, США), оказался тем самым капиталом, который в конце Первой мировой войны никто уже не посмел игнорировать. Это стало безусловной заслугой образованной польской элиты. Благодаря данному капиталу в последующие несколько месяцев 1918 года политический, военный и экономический потенциал трех стран – агрессоров польских земель, крайне быстро снизился, и это несмотря на то, что формально агрессоры продолжали контролировать польские территории. А польский капитал динамически возрастал¹¹.

Я считаю, что более значимым для восстановления польского государства (Второй Речи Посполитой) в 1918 году стала не военная победа поляков, а процессы в культурной сфере, инициированные образованными поляками. Самыми важными можно назвать создание нескольких университетов в Варшаве уже в 1915 году. Большой университет, большая Политехника, а также несколько малых вузов влились, присоединились к процессу, и не только к формированию польской элиты. Значительная часть польской молодежи, которую русские не смогли в 1914 и в начале 1915 годов мобилизовать в армию, могла продолжить обучение в средних и созданных высших польских школах¹². В два раза возросло количество выпускников средних школ и выпускников вузов в Варшаве. Почти все они стали членами польских патриотических или военизированных организаций, или же сразу вступали в Польские Легионы. Можно предположить, что по сути Легионы, которые находились под влиянием личности Юзефа Пилсудского (бывшего студента Харьковского университета), стали двадцатитысячным добровольческим военным объединением с типичным интеллигентным составом.

Особого внимания требуют инициативы, предпринятые в польской академической среде Варшавы уже в 1916–1917 годах. Это были попытки создать под патронатом польских вузов офицерские школы. Их целью стала подготовка специалистов для будущей польской армии. С подобной инициативой к оккупационным немецким властям обратились ректоры варшавских высших учебных заведений¹³. В результате так называемого кризиса присяги (лето–осень 1917 г.) в Польских Легионах, а потом, вследствие Брестского мира, польская элита перестала сотрудничать с немецкими оккупационными властями и с правительствами стран-агрессоров. Польское общество под влиянием своей влиятельной образованной части стало дистанцироваться от любых инициатив стран-оккупантов. Вместо этого, элиты сосредоточились на выстраивании собственного независимого политического потен-

циала¹⁴. В 1917 году он был не так уж мал в Галиции, Варшаве, частично – в Познани, а также на западе Европы (Швейцария, Франция). То есть там, где были польские академические круги или группы студентов. В тот момент ясно сформировался своеобразный феномен, когда при наличии эффективного образования для польской элиты в различных университетах Европы прослеживалась явная нехватка собственных вузов, в полной мере независимых. Не приуменьшая военного и политического вклада добровольцев, польских военных формирований на восточном и западном фронтах, а также полулегальной Польской военной организации, именно польская интеллигенция, получившая образование в чужих университетах, стала главной движущей силой иррационального успеха в деле воссоздания независимого польского государства после 123 лет оккупации¹⁵.

Успешным оказалось влияние этой группы – продукта университетского образования и, в то же время, независимого культурного младопольского движения (польского неоромантизма) – на польское общество, которое к 1918 году оставалось ментально разделенным. Важным фактом являлось то, что за пределами польских земель сформировались польские диаспоры – в российской глубинке, в Вене, западной части Германии, во Франции, Бельгии и Швейцарии. Прежде всего, это были группы образованных людей, чаще всего студентов или выпускников тамошних университетов¹⁶. Конец 1918 года ознаменовался процессом, прямо противоположным польской эмиграции в Западную Европу – количество возвращений в Польшу образованной элиты стремительно росло. Что в свою очередь совпало с общей тенденцией, когда обнищавшее дворянство стремилось дать образование своим детям. Совокупность описанных социальных процессов, наряду с увеличением образовательных возможностей в самой Польше, вписывалась в консолидацию общества, а в более длительной перспективе стала решающим фактором процесса создания государства. Прежде всего, этот образовательный тренд помог подготовить значительное количество кадров уже в первые годы существования Второй Речи Посполитой. Особенно стремительно росло количество польских академических вузов с высоким научным уровнем. Символичным стало возвращение в Польшу профессуры с мировым именем, например, Веруш-Ковальского, Мосьцицкого, Нарутовича, Петражицкого и других. Образованная Варшава и академические круги Львова, Кракова, Вильнюса и Познани идентифицировали себя со Второй Речью Посполитой. Это нашло отражение в декретах главы государства или в законодательстве, принятом польским Сеймом между февралем 1919 года и июлем 1920 года¹⁷.

Между 1918 и 1939 годами университетские круги во Второй Речи Посполитой включились в реализацию интеграционной политики, а после 1926 года также образовательной идеологии (речь идет о так называемом государственном воспитании). На протяжении первых пяти лет независимости (1919–1924/25) академические круги были объединены заданием принять участие в создании функциональных государственных структур и развитии академических школ, опираясь на Закон «О высших школах», принятый в июле 1920 года. Данный закон гарантировал доминирование модели современного университета с характерной для того времени автономией и вузовской свободой¹⁸. Несмотря на слабое финансирование университетов в результате экономического кризиса 1923 года, вузы развивались. Возникали новые академические центры (например, Люблин, Познань). Возросло количество студентов – до 40 тысяч, а далее до 50 тысяч. Количество вузов увеличилось до 17 в 1924 году и до 32 вузов в 1939 году. Основной преградой в развитии академических школ стали средние школы и медленное увеличение числа потенциальных абитуриентов, в основном – вследствие высокого уровня средних школ¹⁹, а также из-за количества университетских кадров. Высокий уровень польских вузов объяснялся также строгими требованиями к студентам и преподавателям. На страже требований стояли сами университеты. С определенной долей риска можно сформировать гипотезу, что именно по этой причине во Второй Речи Посполитой не удалось создать украинский университет²⁰, а также еврейский²¹, хотя подобные попытки предпринимались во Львове и Варшаве. Профессура польских университетов также блокировала слишком быстрое развитие количества очередных университетов, опасаясь недостатка кадров. А также из-за боязни снижения уровня университетского обучения²².

Существенным фактором, который связывал образованные элиты и государство, была вынужденная реструктуризация отношений собственности в экономике и сфере услуг

после 1925 г. Напряжение возросло после экономических скандалов 1921–1925 годов, вызванных спекуляциями внешним капиталом. Только монетарная реформа профессора Грабского (1924), аналогичная реформе профессора Бальцеровича в Третьей Речи Посполитой, а также майский переворот (1926) и строгая бюджетная дисциплина, наряду с экономическим оживлением (1926–1928), привели к стабилизации. Решающим фактором оказалась экономическая политика, которая основывалась на государственном капитале. Это превращало польское государство в основного работодателя интеллигенции²³. Государственный этатизм плюс стратегия так называемого государственного воспитания в 1926–1939 гг. связали высшее образование и элиты с государственными институтами. Одновременно университет превратился в своего рода арбитра: элитическое (от – элитизм) государство – свободное общество. Взаимосвязь нашла подтверждение в ряде законодательных актов между 1932 и 1934 годами, а также в их полной реализации между 1933 и 1938 гг. (так называемая реформа Енджеевича). Эти перемены упрочили интегральную политику государства, которая реализовывалась при помощи образовательных структур, в которых доминирующую роль играли элиты, выпускники высших школ. Тем не менее, попытка ввести в действие закон 1933 года «*O wyższych szkołach*», создающий небольшие, но очень серьезные возможности для государства влиять на университеты, вызвала сопротивление элит. В результате возникли некоторые моменты, которые разделили профессуру, в зависимости от ее политических взглядов; тогда как до 1928 года она была достаточно однородна²⁴.

В 1933 и 1934 годах происходили многочисленные выступления профессуры с критикой нарушения автономии вузов. В особенности критиковали закон 1933 года, который давал возможность министру образования, ответственному за высшее образование, созывать или ликвидировать внутренние академические подразделения, особенно кафедры. Между 1933 и 1939 годами очередные министры создали 72 и ликвидировали 77 кафедр²⁵. Политические взгляды или ортодоксально трактуемая идея консолидации привели к тому, что несколько кафедр ликвидировали по политическим причинам, особенно из-за оппозиционных взглядов профессуры²⁶. Без сомнения, реформа Енджеевича ограничивала корпоративную формулу польских университетов, однако не ликвидировала ее полностью.

Чтобы оценить эти события, стоит принять во внимания эпоху и время тех реформ, а именно – сильный экономический кризис и развитие тоталитарных государств (СССР, Италии, Германии, Испании). Самые большие и самые агрессивные (Советская Россия и Третий Рейх) базировались на идее крайнего национализма и/или имперских традиций, а в 1939 году они стали агрессорами, ответственными за развязывание Второй мировой войны. Они также симметрично территориально и демографически разделили Вторую Речь Посполитую, приняв Пакт Молотова – Риббентропа. А уже потом, собственно, начались программы уничтожения, направленные против польских граждан и образованных элит. Потери польского общества в результате промышленных масштабов удаления польской интеллигенции в Третьем Рейхе, а также в результате скрытого геноцида, проводимого Советским Союзом, достигли 40–60%²⁷. Обе империи делали это осознанно. Обе формы истребительной политики оккупантов предполагали уничтожение общества, дезинтеграцию, полный контроль над ним. Только такие крайние меры могли гарантировать уничтожение государства и, соответственно, вузов как источника новых элит. Осенью 1939 года обе оккупационные администрации ликвидировали польские школы, средние и высшие, а россияне превратили их в советские учреждения реконверсии – создания новой, идеологически подкованной русскоязычной элиты. Более того, советская власть приняла стратегию организации новых, так называемых «институтов» (высших школ)²⁸, которые должны были закончить и облегчить процесс переделки. Период войны оказался для элиты, которая получила образование в период Второй Речи Посполитой, не только горькой пилюлей проигрыша и упадка собственного дела – государства, но также и проверкой общества на выживаемость.

В польском языке есть символ, который описывает поколение, воспитанное во Второй Речи Посполитой, – «*колумбы*». Это люди, которые открыли для себя родину и различные ипостаси свободы²⁹. Эта молодежь воспитывалась в образовательной системе независимой Польши до 1939 года. В определенном смысле, это была новая и молодая элита, кото-

рая переживала свое «Большое приключение»³⁰ в экстремальных условиях войны (1939–1945 гг.). Поколение польских “колумбов” стало в определенном смысле продолжателем взглядов своих предшественников из Львова, Кракова и Варшавы периода 1907–1918 годов. Они предприняли попытку не только рискнуть в вопросах военной конспирации, но и в вопросах нелегальных кружков в тайных лицах и тайных университетах. В эмиграции они создавали польские школы или польские группы студентов в иностранных университетах, а в 1946 году вместе со своими университетскими профессорами организовали Польский университет на чужбине (Polski Uniwersytet na Obczyźnie, PUnO) в Лондоне. Он действует до сих пор. Перерыв, связанный с войной, а также несогласие в видении обновленного государства, зависимого от СССР, привели к рождению своеобразного мифа об образовании – ностальгии по довоенному университетскому образованию. Возникло также желание вернуть упущенное время и возродить утраченное государство, а также восполнить недостаток в элите, которая пострадала за годы войны.

В 1944–1948 годах оказалось, что самой лучшей стратегией и базой для воссоздания польской системы образования является концепция, которая нашла отражение в реформе Енджеевича середины 1930-х годов. Поэтому до 1948 года этот закон о школьной системе доминировал, он также определял основы существования польских университетов. И это, несмотря на попытки навязать советскую модель³¹. Формально изменения произошли сразу в начале 1947/1948 учебного года на основании Декрета от 28.10.1947 г. «*Об организации науки и высшего образования*»³². На практике перестройка академической системы продолжалась до 1950 года, однако по причине стабильного профессорского состава новые меры оказались половинчатыми или даже фиктивными. Несколько лет восстановления и функционирования вузов в послевоенной Польше (1944–1948) на основе енджеевичевских реформ научили академическую среду защищаться и не поддаваться идеологическому давлению коммунистической утопии, а также попыткам террора.

Уже в начале 1946 года, с согласия Министерства образования, удалось создать основной орган корпоративного самоуправления академических кругов – Совет внутренних дел, председателем которого стал профессор Стефан Пеньковский (ректор Варшавского университета). Значительным было также влияние довоенных научных авторитетов Ученого совета при министре образования – заместителем председателя этого Совета был тот же председатель Совета ректоров профессор Пеньковский. Такие личные связи проявились позже, а в годы сталинской советизации (1950–1954/55) они оказались своеобразной системой интеллектуальной и структурной «иммунной защиты» перед индоктринацией науки. Кроме того, группа лидеров коммунистического лагеря в Польше разделилась на две фракции: 1) связанную с так называемым Центральным бюро польских коммунистов (идеологическими ортодоксами или «людьми в шинелях» из СССР)³³ и 2) национальных коммунистических деятелей, чьим символом стал Владислав Гомулка. Они же постепенно обростали циничными и примитивными карьеристами. Попытки ускорить советизацию Польши при помощи так называемого «Октябрьского поворота» в 1944 году, манипулируемого референдума 1946 года и фальсифицированных выборов в январе 1947 года потерпели неудачу. За это время были воссозданы некоторые довоенные академические круги: львовский во Вроцлаве, вильнюсский в Торунь, Познани, Люблине, где тогда же появился государственный Люблинский университет (наряду с воссозданным Католическим университетом Люблина). Были созданы новые круги, например, сильный центр из нескольких университетов в Лодзи, который стал альтернативой уничтоженной Варшаве. По мере реконструкции динамично развивались варшавские университеты.

Представленный темп развития академических вузов, которые тогда не зависели от коммунистов, и поэтому превращались в центры общественного сопротивления, вызывал беспокойство у новой власти. Традиционно делались попытки использовать методы, характерные для СССР, а именно: усилить работу спецслужб, проводить выборочные аресты и провокации. До 1949 года эти попытки были направлены, прежде всего, против коммунистов, о чем свидетельствуют студенческие выступления 1946 года в Кракове и других академических городах. Однако авторитет академических сотрудников возрастал. Это стало сигналом, что запугать академические круги невозможно. Может быть, именно поэтому в 1947 году попытки превентивных арестов части профессуры прекратились, поскольку это могло парализовать процесс восстановления высшего образования, да и

всей страны в целом. Тем более, что реакцию общества трудно было предугадать. В этот период и возникла опять общественная ностальгия по существующему в Польше (в коммунистических условиях) «университетскому мифу». До декабря 1948 года коммунисты не смогли урегулировать свои отношения с социалистами (Польская социалистическая партия), которые пользовались значительно большей поддержкой в обществе. Социалисты также установили неплохие отношения с академическими кругами. Я считаю, что отношение университетской профессуры к событиям в ПНР (не забываем, что профессура сформировалась в период Второй Речи Посполитой) в большей мере опиралось на сотрудничество в ходе восстановления страны и модернизации общества. И это, несмотря на сомнения касательно новой доминирующей идеологии, т.е. профессура не опиралась на сопротивление или деструктивные действия. В очередной раз элита поддержала консолидацию общества и нового государства. Элиты оказались тем элементом, который замедлил советизацию общества, они ограничили попытки перенести советские образцы в систему польского высшего образования.

Уже в 1946 году публикация профессора Тадеуша Чижевского («*Об университете и университетском образовании*») подчеркивала разницу между видением идеи университета академическим сообществом и государственной властью. Ведь только в 1950–1951 годах власть публично артикулировала свою концепцию «социалистического университета». Невозможным оказалось использовать методы, которые прошли проверку в СССР. А именно – замену академических преподавателей. В послевоенной Польше на каждом этапе развития коммунистического государства оказалось нереальным создать «институты красной профессуры», как это происходило в СССР. В 1949 году коммунисты, уже имевшие монополию на власть (с декабря 1948 года существовала Польская объединенная рабочая партия), попытались внедрить так называемый «План N». Его некоторым образом можно назвать «раскулачиванием» науки посредством воспитания собственных, идеологически проверенных кадров. С этой целью создали Институт научных кадров при Центральном комитете партии. Такая специфическая – как для польской системы образования – структура несомненно была создана по примеру институтов красных профессоров. Ее организовал доктор Адам Шафф, со временем она превратилась в Институт общественных наук, а потом – в Высшую школу социальных наук. Тем не менее эти учреждения никогда не достигли уровня, сравнимого с обычным польским университетом, несмотря на хорошее финансирование и попытки привлечь авторитетов. Также в ПНР не удалось лишить университеты привилегии на формирование научных кадров и образованной группы, влияющей на общественное мнение.

Вторым методом стало влияние на академические вузы Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и ее молодежного отделения – Союза польской молодежи, СПМ (*ZMP – Związek młodzieży polskiej*)³⁴. Этот процесс проходил параллельно с попытками создать определенную пропорцию среди польских студентов: 60% – рабочего происхождения, 30% – крестьянского (без так называемых детей кулаков) и 10% – из других социальных групп. Формально партийные структуры действительно возникли в вузах, однако они были изолированы и их негласно бойкотировали практически до конца существования ПНР. Пропорция, в свою очередь, также не была достигнута, однако по весьма прозаической причине: поскольку в структуре польского общества доминировали крестьяне (80%), то сложно было найти нужное количество абитуриентов рабочего происхождения. Проблему решили следующим образом:

- усилили давление на рекрутинговые комиссии вузов;
- начали использовать вузовские партийные и «комсомольские» структуры;
- проводили отбор кандидатов в студенты, например, при помощи рекомендаций/характеристик, с возможностью отказать или предоставить;
- путем организации ускоренных курсов для получения аттестата зрелости, или так называемого «нулевого курса», призванного выровнять пробелы в знаниях среди определенных кандидатов пролетарского происхождения;
- создавая так называемые «высшие школы для передовых работников».

Практически все эти действия были малоэффективными и оборачивались против самих организаторов. Они вписывались в так называемый процесс «идеологического наступления»³⁵. После Первого конгресса польской науки принудительным образом

часть изменений внедрили в структуру науки и образования, по примеру СССР. Самым важным можно назвать дробление больших университетов на меньшие, нишевые высшие школы, которыми было легко манипулировать³⁶. Начиная с 1950 года возросла эффективность работы ячеек Союза польской молодежи в вузах. Оппозиционно настроенные профессора достаточно спокойно смотрели на динамику развития этой организации вплоть до 1956 года. Однако в 1955–1956 годах и особенно после июньских событий 1956 года в Познани происходит сильная радикализация студенческого движения. Это хорошо заметно по популярности журнала «Просто» („*PoProstu*”), который редактировал СПМ – студенческий коллектив во главе с Элигиушем Лассотой. Вузовская администрация этого издания и активисты типа Яцека Куроня настолько начали влиять на студенческий бунт, что партийные структуры оказались не в состоянии их контролировать. Парадоксально, но студенты также поспособствовали фактическому снятию цензуры в 1955–1957 годах³⁷.

В рамках вузовских протестов, в которых принимали участие разочарованные и возмущенные активисты СПМ, сформировалось новое поколение академической элиты, которая высказала свое несогласие и разочарование в 1968 году и в ходе последующих кризисов (1970, 1976, 1980–1981 годы). Парадоксальным оказалось отношение выпускников университетов к ведущим сотрудникам или активистам СПМ. Они должны были стать революционными специалистами, поддерживающими новый общественный порядок и новую власть, то есть строителями коммунистической утопии в Польше. Однако после 1956 года большинство из них начали исповедовать антикоммунистические взгляды³⁸. Новое поколение польской интеллигенции, которое, правда, родилось еще перед войной, было очень молодым и вероятно его можно трактовать как «*Колумбов*». На волне социально-политической утопии, в 1956 году, они превратили свой энтузиазм, корни которого уходят в СПМ, в злость («молодые, злые из СПМ»)³⁹. Академические круги – студенты и их профессура – объединились в польском Октябре '56⁴⁰. Их отношение к идее «социалистического университета» становилось все более критичным. Эту идею представил профессор Юзеф Халасинский в текстах «*От либеральной к социалистической идее университета*» и «*О социалистической идее университета в Польше*»⁴¹. До 1955 года эти идеи пытались материализовать путем давления на отдельные вузы или группы преподавателей, что нашло отражение в публикациях того периода⁴².

Доминирование идеологии и диктата коммунистического государства уже через 3–4 года вызвали спор касательно понятия «*прогресс*» и его применения в процессе модернизации. Речь шла о двух измерениях: социальном (социальный прогресс) и техническом (технический прогресс). Этот спор также велся в академических кругах, хотя в 1950–1954 гг. коммунистические идеологи и навязывали уже готовое решение. В то же время в Польше принудительная индустриализация осуществлялась примитивно-сталинским образом и основывалась на использовании устаревших технологий. Однако эта модернизация могла вызывать очарование у молодого поколения СПМ. В то же время «прогресс» повлиял на структуру высшего и среднего образования. Навязанная в 1948–1954 годах система двух уровней приближала первый уровень (инженерный) к предпочтительному в среднем образовании уровню техника⁴³. Это происходило за счет уменьшения количества лицеев и полноценного университетского образования. В результате, явно возрастает значение технических направлений (37%) в сравнении с довоенным периодом, когда технические специальности составляли только 15%⁴⁴. Кроме побочного результата (снижения уровня образования и уменьшения значения научных исследований в высшей школе), образуется диспропорция в образовании элит, когда формируется молодая интеллигенция, «новый пролетариат» с ментальностью рабочего⁴⁵. Коммунисты, находящиеся при власти, именно этот аспект идентифицировали с прогрессом, что в свою очередь означало конфликт с польской традицией в формировании элит путем университетского образования. Это также определило разнообразие студенческих взглядов, что позже привело к студенческому бунту. Этот факт очень хорошо зафиксирован в биографиях будущих политиков или профессоров. Наилучшим примером можно считать жизненный путь Яцека Куроня и Болеслава Геремека или же Кароля Модзелевского⁴⁶.

В период между 1955 и 1958 годами в отношениях университет – общество – государство (так, как его понимали коммунистические лидеры) обозначился кризис, па-

товая ситуация в социально-политическом смысле. Власть осознала, что без участия или хотя бы нейтралитета академической элиты она не сможет править. Альтернативой был только антикоммунистический бунт. При этом он мог привести к крайне тяжелым потенциальным последствиям, как это произошло в Венгрии в 1956 г. Государственная или партийная администрация вынуждена была согласиться с возвратом национальных традиций в форме моды на довоенные ценности или идеализированный образ Второй Речи Посполитой. Благодаря Католическому университету Люблина или Академии католической теологии (то есть сдержанной позиции Церкви), все большее значение стали приобретать организации светских католиков. Они не были многочисленными, но их значимость обуславливалась независимостью от государственных работодателей. Основной ценностью, таким образом, стала достаточно сильная независимость и автономия высшей школы в Польше. Это укрепило позицию элит образования по отношению к коммунистическим элитам. На самом деле, власть смогла постепенно утихомирить академическую молодежь, доказательством чего стала ликвидация в 1957 году журнала «Просто». Вместо него был создан действующий доныне еженедельник «Политика» (*“Polityka”*), чьим редактором стал Мечислав Раковский. Он играл эту роль практически до самого введения военного положения (1981). С определенными трудностями было создано формальное студенческое движение в форме организации под названием Объединение польских студентов (*Zrzeszenie Studentów Polskich*). Практически все значимые политики Третьей Речи Посполитой прошли через эту организацию, членами которой были 80% студентов⁴⁷.

Парадоксально, но последняя фаза студенческих восстаний 1956 года не была антикоммунистической. Студенческие бунтари хотели реформировать свои структуры и университеты, организовав «студенческие революционные комитеты» и наивно полагая, что система может быть реформирована⁴⁸. Это движение также поддерживала часть левых профессоров, от чего только выиграли общественные науки и мировая наука в целом. Именно из этого движения вышли такие фигуры, как профессор Лешек Колаковский, профессор Зигмунт Бауман и в некотором смысле профессор Адам Шафф. В последующее десятилетие коммунистическая власть не смогла эффективно противодействовать независимости и академической автономии, а академическое образование, благодаря контактам с заграницей, восстановило свой уровень как в сфере дидактики, так и – в значительной степени – в области научных исследований. В то же время это было определенное поражение «идеологического наступления» правящей Коммунистической партии (ПОРП).

Возвращенный авторитет университета и его элит способствовал формированию двух направлений общественного бытия: 1) официального, где поддерживались ценности социализма, и 2) полуофициального, который однозначно доминировал в польском обществе, поддерживая антикоммунистические процессы. Политику, которая проводилась против интеллигенции в сталинское время, почти прекратили после 1956 года. Однако с середины 1960-х годов она становится все более явной. Иллюстрацией подобной тенденции стал семинар в Люблине 24 октября 1964 года, посвященный «социалистической концепции университета». Это был типичный пример непоследовательной политики польских коммунистов, которая привела к очередным беспорядкам в вузах в 1966-м и особенно в 1968 году. В определенной мере эти волнения вписывались в усиливавшиеся на Западе социальные бунты и стали польским вкладом в рождение феномена, который в литературе описывается под названием Поколение '68. Тем более, что аналогичная смута в Германии, Франции, США и частично Великобритании отличалась с точки зрения специфики общественного развития и собственно причин беспорядков. В советской сфере влияния только в Польше и частично в Чехословакии можно было говорить о Поколении '68. При этом военная интервенция Организации Варшавского Договора в СССР фактически уничтожила и так не очень большую независимость тамошних академических кругов.

В Польше, несмотря на репрессии, которые продолжались в течение всего 1968 года, Поколение '68 так и не смогли сломать. Наоборот, ученые стали источником подпольных антикоммунистических мероприятий, проходящих при неофициальной поддержке формальных университетских структур (несмотря на то, что часть политически актив-

ных студентов и преподавателей была исключена, а некоторые из них приняли решение эмигрировать). Репрессии, которые начались с момента нарушения «экстерриториальности» Варшавского университета в марте 1968 года и закончились в конце правления Владислава Гомулки (декабрь 1970), вызвали противоположные общественные реакции. Сформировалось консолидированное и сознательное польское общество, которое противостояло коммунистической утопии. Почти вся польская элита утратила иллюзии относительно эффективности коммунизма. Именно с этой точки зрения польское Поколение '68 отличается от западноевропейских товарищей. На Западе студенты-повстанцы и их профессора в «свитерах» начали строительство «новой левицы». В Польше же студенческая молодежь и большая часть элит, общества объединялись вокруг антикоммунистической позиции, что в результате привело к перелому 1970 года, а потом к рождению движения «Солидарность».

Начало 1970-х годов и вся эпоха Герека стали своеобразным открытием польского общества и государства – их возвращением в орбиту западной культуры. Этому способствовал эффект образования. Он был связан с развитием среднего и высшего образования, которое совпало с послевоенным демографическим взрывом. Создается также собственная своеобразная экспертиза о состоянии образования. Многочисленные рапорты (анализ европейских или мировых показателей) копировали в Польше уже в 1971 г., когда был создан Экспертный комитет. Его заданием была подготовка рапорта о состоянии польского образования и прогноза его развития. Подобная экспертиза была представлена в 1973 г., ее ценят до сих пор⁴⁹. В результате были приняты определенные правила. Например, все учителя в Польше, независимо от уровня школы (начальная, средняя, высшая), должны были иметь высшее образование. А это существенно увеличивало значение высшей школы. Провоцировало развитие вузов и, прежде всего, в будущем могло привести к увеличению в социальной структуре общества удельного веса образованных масс.

Можно утверждать, что 1970-е годы (так называемая декада Герека) стали периодом наиболее динамического и сбалансированного развития среднего и высшего образования в Польше. В то же время, это период относительного экономического развития, роста уровня жизни общества и – как это ни парадоксально – падения авторитета правящей коммунистической партии. Оно не стало результатом кардинальных политических событий, кризисов или трагедий. В значительно большей мере этому способствовал цинизм и прагматизм молодого поколения деятелей коммунистического государства. Молодых партийных активистов (таких как Свитонь, Квасьневский, Милер, Шмайдинский и Яскерня) в большей мере интересовала собственная карьера, а не поддержка дискредитированной идеологии.

Интересным явлением, аналогичным феномену участников «Просто», была ежемесячная студенческая среда «ITD», чью редакционную команду некоторое время возглавлял Александр Квасьневский. Журнал сыграл большую роль в формировании молодого поколения польской интеллигенции 1970–1980-х годов. В заключительной фазе 70-х годов – после опыта беспорядков 1976 г. и первых лет политической оппозиции – против системного оспаривания строя присоединилась вся академическая среда. Об этом свидетельствует проведение семинара «*Опыт и будущее*» (1978 г.), на котором апеллировали к традиции довоенных университетов. Авторитет элиты, получившей образование в 1970–1980-х годах, и особенно авторитет университета, был обусловлен стимуляцией образовательных устремлений (по причине демографического роста). Эти устремления появились в школах и университетах в 1960-е годы и резко возросли в 1970-е. В отличие от западных университетов, польские вузы не могли быстро превратиться в центры массового высшего образования. Как ни парадоксально, но они сохранили элитарный характер, хотя число студентов и преподавателей значительно возросло.

Одна из причин, почему динамика образовательных устремлений выпускников средних школ оказалась не столь высокой, была проблема оплаты труда в высококвалифицированных профессиях. Самые низкие зарплаты среди представителей польской интеллигенции были у преподавателей и врачей, хотя эти группы доминировали в польской элите. Экономический стимул играл более высокую роль среди людей с высшим политехническим образованием. Как это ни парадоксально, несмотря на продолжающуюся сегрегацию в обществе (на городской или сельский пролетариат и интеллигенцию, независимо от типа

образования), получение высшего образования в Польше считалось шагом вперед. Таким образом, в польских социальных реалиях статус образованного слоя был намного выше, чем в других европейских или неевропейских странах, независимо от их социальной системы. Вероятно, миф об образовании и миф об университете способствовали относительно тесному союзу рабочих и образованной элиты в 1980 году. Это позволило создать мощное общественное движение «Солидарность», которое попыталось заставить коммунистический режим в Польше отойти от модели модернизации, которая могла подойти для экономики СССР, но никак не для польских реалий. Польские образованные слои сохранили способность (благодаря университетскому образованию) критически оценивать реальность. Что говорит о хорошем уровне университетского образования в то время. Вот почему я не могу согласиться с оценкой профессора Тони Джадт о провинциальности польского университета⁵⁰.

Реакция власти, а именно введение 13 декабря 1981 года военного положения и закрытие «Солидарности», автоматически противопоставило университетскую среду коммунистическому правительству. Введение военного положения именно в ночь с субботы на воскресенье было обусловлено не только фактором выходного дня на предприятиях. Не менее важную роль играло отсутствие студентов в вузах, которые на выходные выехали из общежитий домой. Это подтверждается тем фактом, что власти приостановили деятельность вузов до дальнейшего уведомления, что на практике означало перерыв в учебе на несколько месяцев, пока люди не успокоятся. Расчеты властей были оправданы в отношении академической среды, что подтверждалось студенческими забастовками в феврале/марте 1981 года в Лодзи. Подавляющее большинство академических преподавателей в более или менее официальной форме поддержали забастовки. Если предположить, что поражение Второй Речи Посполитой было прежде всего поражением интеллигенции, то поражением польских рабочих стали события 13 декабря 1981 г., когда государство попросту растоптало их.

Поскольку «Солидарность» как социально-политическая сила практически полностью была нейтрализована, а подпольной „Солидарности» нужно было несколько лет, чтобы восстановить основные структуры, центр общественного сопротивления перешел в академическую среду. В течение 1982–1988 гг. польский университет (а он воспринимался как символ) стал частью «Солидарности», временно уничтоженной общественной силы⁵¹. Это очень ярко описано в воспоминаниях, но также в обзорах академического сообщества 1980-х годов. Прежде всего в работе тогдашнего министра науки, высшего образования и техники профессора Бенона Миськевича «*Польское высшее образование в 1981–1987 годах*». Хотя данная публикация написана с позиции высокопоставленного чиновника, связанного с коммунистическим лагерем (это особенно хорошо прослеживается в некоторых фрагментах текста), скрупулезность университетского профессора и знаменитого польского историка привела к тому, что книга подает вполне адекватный образ преподавателей, их лидерства после военного положения. Прежде всего речь идет о тихом последовательном и успешном давлении на диктатуру 1980-х годов в Польше (а ведь немалая часть преподавателей состояла в компартии). Стоит также обратить внимание на специфическую роль отдельных звеньев польской академической среды. Речь идет о негосударственных, а именно религиозных учебных заведений. Начиная с 1988 года ими управляло Социальное общество образования (легальная независимая организация, которая инициировала негосударственное образование).

Между 1956 и 1988 гг. в триаде общество – университет – государство наместились перемены, которые привели к уменьшению роли коммунизма в стране и, следовательно, к краху Польской Народной Республики (1989). «Злые» из Союза польской молодежи, студенческих революционных комитетов, из редакций (например, «Просто»), плюс «злые» из Польской (народной) армии так и не смогли самостоятельно реализовать польский Октябрь⁵². Они могли только содействовать трагедии, сравнимой с венгерской. Однако университетская элита поддержала это обманутое и соблазненное утопиями поколение. Именно поэтому польские коммунисты во главе с Гомулкой вынуждены были сотрудничать с интеллигенцией, скрывая свое отношение к ней. Второй раз «злые» попытались исправить ошибочную коммунистическую систему Польской Народной Республики в 1964–1966 годах, показав затем свое твердое отношение к польским университетам в

1968 году. Именно в период 1964–1968 годов в Польше началось движение, которое прекрасно вписалось в европейские и мировые студенческие бунты Поколения '68. Обе группы поколений 1956 и 1968 гг. объединили профессоров, выпускников и студентов. Они потерпели явное поражение в период между 1964 и 1970 годами, что, однако, не изменило критического отношения элит к власти.

В 1988–1990 гг. эти элиты заставили режим уйти без необходимости прибегать к драматическому противостоянию. Лидирующая роль элиты проявилась в тот момент, когда определяли состав участников *Круглого стола* – как со стороны власти (партийных и государственных структур), так и антикоммунистических организаций («Солидарности», Конфедерации независимой Польши, церкви и т.д.). Это были в основном интеллектуалы с университетским образованием. Их было более 50 из 70 представителей оппозиционной партии, в том числе 16 профессоров (независимых научных сотрудников)⁵³. Среди участников от партийной и правительственной сторон профессора и выпускники университетов имели еще более высокий удельный вес. Через все формы *Круглого стола* (пленарные заседания, комитеты, подкомитеты и т.д.) прошли 450 человек – участников, экспертов и т.д. В основном это были люди из университетских кругов⁵⁴. Благодаря этому они могли вести конструктивный диалог, общаясь на одном языке университетских элит, ликвидировав «новояз». Участники встречи имели различные взгляды и различные социально-политические варианты, но университетская образовательная платформа позволила им эффективно договориться. Большей частью это были «злые» из ПСМ или ревизионисты периода 1966–1968 годов, которые сидели по обе стороны *Круглого стола*. С некоторым опозданием здравый смысл победил коммунистическую утопию. Данную победу можно рассматривать как второй триумф польской интеллигенции после 1918 года. Речь идет о том, что ввиду отсутствия преемственности государства в результате разделов Польши или по причине Второй мировой войны, общество консолидировалось вокруг культурных ценностей, в том числе – исторических государственных традиций⁵⁵.

Независимость польских университетов и академических кругов позволила выжить в условиях государственного диктата или утопической идеологии – в отличие от высшего образования в России (а затем – в СССР) и социалистических странах после 1945 года. Чтобы ни означало понятие «социалистический университет», в Польской Народной Республике этот проект не мог быть реализован. В отличие от СССР, где доминировали партийные школы и была присвоена идея университета (хотя на самом деле он превратился в высшее профессиональное училище), польские академические сообщества сопротивлялись советизации⁵⁶. Часть польской элиты, которая получила образование в относительно независимых университетах, дистанцировалась от защиты государства и превратила академические учреждения в институты арбитража между обществом и идеологизированным государством. Иными словами, речь шла о форме общественной консолидации против политической и идеологической утопии. Происходила защита самого государства как социального блага от полной советизации.

На переговорах за *Круглым столом* академическая среда попыталась вернуть модель университета, предложенную в Законе «*О высшем образовании*» от 4 мая 1982 года⁵⁷. Именно этот закон почти полностью возвращал современный независимый университет (Гумбольта). Это произошло в рамках работы подкомитета *Круглого стола* по вопросам науки, образования и технического развития⁵⁸. Процесс этагизации общества был остановлен, поскольку это была неверная консолидация (в том числе прекратилась в 1985 году этагизация вузов)⁵⁹. Попытка преодолеть напряжение между польским обществом и коммунистическим государством через изменение элиты не оправдала себя. То же самое с социальной дифференциацией: она не исчезла, хотя в публицистике периода 1970–1980-х годов часто и утверждалось обратное⁶⁰. Польская университетская культурная революция, аналогичная западной (1968–1973 гг.), должна была произойти только в 1990-е годы, уже в рамках Третьей Речи Посполитой. Что и произошло в ходе изменения режима и под влиянием глобализации. В переносном смысле это был период университетского взрыва, что проявилось в увеличении количества вузов и самих студентов по причине доступа к образованию. Наилучшим образом это можно проиллюстрировать данными, размещенными в таблице в конце статьи. Однако, данная тенденция сохранилась и после имплементации Болонского процесса (1999), вплоть до периода реформы Барбары Кудрицкой в 2014 году.

Парадоксально, но эти перемены происходили в Польше на фоне демографического спада. Я считаю, что одна из основных причин этого – влияние мифа об университете и желания получить высшее образование, плюс низкий уровень безработицы среди выпускников высших учебных заведений до 2000–2005 года.

Год 2005 оказался переломным, поскольку ознаменовал первые попытки снизить служебную и медиаторную роль академической среды. Успехи модернизации в Польше и новый режим вызвали сильный потребительский скачок. Популистские партии *ПиС* и *Самооборона* начали манипулировать социальным неравенством. Они были при власти до осени 2007 года. На практике это означало возврат к прежней антиинтеллигентной политике⁶¹, хотя уже при помощи других, антикоммунистических начинаний после 18 лет падения коммунистического режима.

Одновременно с принятием *Закона о высшем образовании* от 27 июля 2005 г.⁶² крайне быстрый темп реформ в польских университетах (2005, 2007, 2011–2014, 2016–2020/2025) привел к «реформаторской одышке»⁶³. Что проявилось в двух формах. **Первая** возникла еще в 1990-х роках, когда вузы оказались предоставлены самим себе. Их финансирование сильно ограничили и вписали в новый механизм свободного рынка (появилась возможность получения образования на коммерческой основе). И государственные, и частные вузы требовали от студентов большую оплату (в том числе за экзамены, различные записи в документы и т.п.)⁶⁴. В итоге недофинансированные государственные вузы в целях получения прибыли ввязались в экономическую игру на рынке так называемых образовательных услуг. Что никак не коррелировало с рынком труда. Парадокс этого явления заключался в том, что к игре подключились весьма специфические государственные вузы – военные университеты⁶⁵.

Второе направление возникло из-за идеологического влияния ПиС в 2005 году. А также из-за антикоммунистической риторики, которая вновь появилась в 2016 году. Ее вписали в проект закона о высшем образовании (так называемая реформа Говина). Сегодня трудно однозначно сказать, какое именно из направлений более деструктивно для образованных масс, и особенно – для их воспроизведения. Однако оба ослабляют позиции университетов. Уже в 2007 году попытка братьев Качинских тотально люстрировать преподавателей вызвала мобилизацию образованных масс. Большинство молодых поляков выступило против этих начинаний. Лех Качинский (профессор права) и Ярослав Качинский (доктор права и премьер) стали идеологами незаконной проверки преподавателей. Практически всем авторитетным преподавателям и политикам выразили недоверие⁶⁶. Упорная деструктивная установка популистов из ПиС ускорила процесс выдавливания авторитетов, а также уменьшения роли академической среды. Проигрыш на выборах 2007 г. не изменил отношения партии к интеллигенции. Второй этап этой политики начался в 2015 г. Первой ее институциональной жертвой стал Институт национальной памяти, которым руководил ортодоксальный член ПиС Януш Куртыка. Это исследовательское учреждение в 2005–2010 годах превратили в прокурорский инструмент политической борьбы с противниками ПиС.

В результате ускорения Болонского процесса в польском высшем образовании (начиная с 2007 года), а также после реформы профессора Барбары Кудрицкой (2007–2011) большое значение приобрел академический капитализм. Именно это явление связано с первой формой реформаторской одышки, а именно с рыночными правилами в образовании. Университеты превратились в школы, изменилась их продуктивность. В свою очередь такое «школярство» представляет прямую угрозу для вуза в будущем. Одновременно под ударом находятся академические элиты. Кроме собственно научных исследований и формирования элит университету приписывают еще третью функцию – стабилизатора и совести демократии. Эту роль как раз сильно ограничили. С точки зрения идеологии и продуктивности университет вполне превратиться в профтехучилище.

Капитализм нельзя описать в категориях «миссии», только в рамках «прибыли». Академический капитализм не является исключением. Польские граждане, которые получили образование в польских университетах, не могут в полной мере (с 2001–2005 годов) реализовать свою миссию – быть экспертами социального развития общества. Эту роль теперь исполняют средства массовой информации, поп-культура, а также тренды массового потребительства. Университеты проигрывают в этой конкуренции.

Превращаясь в училища, они должны думать исключительно о готовом продукте, который является как раз менее улучшенной версией «нового пролетариата», а также о выгоде (!), связанной с данным продуктом⁶⁷. Появление новых отношений между обществом и государством при посредничестве университета обусловлено не только продуктивностью знаний, но также попытками решить вопросы социального равенства и понять, чем является свобода. Именно в эти споры втянут университет. Тем не менее, он обязан, несмотря на описанные тенденции, остаться инструментом положительной общественной селекции, что по своей природе противоречит идее социального равенства. Несмотря на факт широкого и практически неограниченного потребления, дилемма социального равенства не должна идентифицироваться с равными шансами на образование и эффективностью в формировании элит в университетах. В данном случае селективность означает равный доступ к знаниям, но не может быть гарантией успешного окончания университета⁶⁸.

В результате перемен, которые произошли в 1990–2005 годах, огромные массы потребителей (а также безработных) в Польше сами формируют оценки, ожидания и прежде всего притязания. Относительно безопасная социальная ситуация делает возможным относительно высокий уровень потребления, что нельзя даже было представить до 1990 года. Старые социальные барьеры в Польше, разделение на группы и классы по принципу образования, сильно изменились⁶⁹. Сегодня массовый человек – это также массовый потребитель образовательных услуг. До 2005 г. общество в Польше трансформировалось, а в периоды 2005–2007 и 2016 годов и до сегодняшнего дня (ориентировочно до 2020–2025 годов) государство превращается в популистически-автократическую структуру. Это также означает давление на университет и его окружение. Академический капитализм вместе с неправильной имплементацией Болонского процесса⁷⁰ может превратить университет из фактора, стабилизирующего общество и государство, в консалтинговую фирму⁷¹, нацеленную на массовое производство товаров и услуг, доступных «новому (люмпен) пролетариату». Возможно, попытки идеологизировать польский университет (первая неудачно была осуществлена в 2007 году, а вторая – в виде реформы Говина 2016/2020 гг.) приведет к надлежащей критике. Изменит социальные установки. Более того, если попытки превратить университет в еще одну фирму можно назвать эффектом революции недоученных масс, то уже в недалеком будущем такие попытки могут вызвать контрреволюцию (нео)интеллигенции, которая будет защищаться перед лицом автократии, уверенной в своем всемогуществе.

Академические круги в польском обществе превратились в основную силу консолидации, даже в период идеократизма, направленного против интеллигенции (1948–1988, 2005–2007 или после 2015 г.⁷²). Это подтверждает направления перемещения элиты из академических кругов в политику или администрирование или же в обратном направлении – в академическую деятельность⁷³. Дополнительным подтверждением сказанного является и социально-демографическая структура современных польских политических элит, среди которых почти 98% – выпускники вузов, а около 40% имеют диплом кандидата или доктора наук⁷⁴. Это противоречит идеологическим антиинтеллигентным начинаниям со стороны “новой левицы”, политических правых или националистов периода постмодернизма. Кроме того, приведенные факты могут стать своеобразными индикаторами, которые позволяют предположить вероятность контрреволюции (нео)интеллигенции.

Смотря на ситуацию из перспективы долгой истории, университет и получившие в нем образование элиты более важны для общества, чем государственные институты, материальные либо экономические средства или вооруженные силы. С данной точки зрения польский случай подтверждает предложенный тезис: государство или армию можно восстановить даже через 123 года (1795–1918). Нельзя, однако, восстановить общество и его культуру. Поэтому в процессе общественной консолидации обязательно нужны университеты и элита. Именно благодаря этому в 1907–2007 стало возможным восстановление польского государства: в 1918 году – Второй Речи Посполитой, в 1945 году – Польской Народной Республики, а в 1989 году – Третьей Речи Посполитой. Я очень надеюсь, что эти слова могут послужить толчком к размышлению над многими общественными или государственными явлениями на просторах бывшего СССР.

Динамика высшего образования в Польше (1910–2017)

Год	Количество вузов	Количество студентов	Количество преподавателей	Население Польши	Важнейшие формально-правовые регуляторы	Важнейшие события и процессы
1910	8	Около 15 тыс., в том числе 50% поляков		Около 22 млн.	Законодательство государств-завоевателей	
1918	11					
1924	17	39 300	Около 2000	Около 26 млн.	Закон от 13.03.1920 г.	
1939	32	50 000	3200	Около 36 млн.	Реформа Енджеевича от 1933 г.	Уничтожение интеллигенции (30%) властями Третьего Рейха и СССР
1945/46	25		Около 1000	23 млн.		
1948	53–56	80 000	5500		Декрет от 1947 г.	Политика против интеллигенции коммунистической власти (1,35% лиц с высшим образованием)
1950	67–83	Около 116 000	10 000		Закон от 1951 г.	
1959	75	Около 170 000	Около 18 000	29,8 млн.	Закон от 1960 г.	
1968	76–85	289 000	23 500		Закон от 1965 г.	
1970	85	331 000	31 300 – 72 000	32,7 млн.	Реформа Куберского от 1974 г.	
1975	86 (+17)	468 000	48 000			Эмиграция из Польши, около 700 000 граждан в возрасте 16–35 лет (в большинстве случаев после получения высшего образования)
1980	91	453-469 000	53 400	35,7 млн.	Закон от 1982 г.	
1988	92	357 000	60 200	37,8 млн.	Закон от 1985 г.	
1989	92	375 000		38,03 млн.		
1990	112	404 000		38 млн.	Закон от 1990 г.	Распространение средних школ и экономический кризис высших школ
1999	287	1 432 000		38,3 млн.		Трудовая миграция из Польши, 2 млн. граждан; филиалы польских вузов
2008	Около 400	1 930 000		38,02 млн.	Законы от 2005 и 2007 гг.	
2010	457 (131+326)		100 000			
2013	447 (307)	1 670 000	100 000	40 млн.	Закон от 2011 г.	15% лиц с высшим образованием
2017	300 (150)	Около 1 320 000	Около 80 000			

Источник: авторские подсчеты.

¹ *Bartnicka K. Przemiany idei uniwersytetu europejskiego XVIII–XXI wieku // Przełomy edukacyjne. Dziedzictwo polskiej teorii i praktyki / Red. W. Szulakiewicz. Toruń, 2011, S. 35–37; Baszkiewicz J. Młodość uniwersytetów, Warszawa, 1997.*

² *Nipperdey T. Rozważania o niemieckiej historii. Warszawa, 1999 (Prusy a uniwersytet, S. 221–247).*

³ Император Александр II, вероятно, не отдавал себе отчет в том, что образованная элита консолидирует общество и укрепляет государство. Император маргинализировал роль университета, несмотря на то, что в его распоряжении имелся отчет о визите по Европе и США министра Михаила Рейтерна (*Schiller J. Universitas Rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917. Warszawa, 2008. S. 130–131*).

⁴ *Ibidem. S. 629–630.*

⁵ Главным образом это были университеты в Швейцарии, Франции, Бельгии или в глубинке Германии, где отношение к полякам было положительным. Языковой барьер отсутствовал, поскольку польские абитуриенты были выпускниками непольскоязычных гимназий французский знали повсеместно.

⁶ *Sdziżkov D. Epoka inteligencji. Historia porównawcza warstwy wykształconej w Europie. Warszawa, 2011. S. 161.*

⁷ *Znamierowski C. Wiadomości elementarne o państwie. Warszawa, 1934; Idem. Szkoła prawa. Rozważania o państwie. Warszawa, 1988.* В обоих изданиях явно просматривается влияние учителя – профессора Петражичского. Обе книги сигнализируют о наличии общей основы для анализа (универсальный мир университет – государство), несмотря на то, что были написаны в разных условиях – в авторитарной Второй Речи Посполитой (1934) и на закате коммунистической Польши (1988).

⁸ Mowa inauguracyjna rektora uniwersytetu dra Józefa Dietla. Kraków, 1861 (По: *Dybiec J. Idea uniwersytetu w Polsce w XIX i XX wieku // Z dziejów polskiej teorii i praktyki edukacyjnej / Red. W. Szulakiewicz. Toruń, 2009. S. 134*).

⁹ *Pamiętniki generała broni Leona Berbeckiego. Katowice, 1959. S. 76–77, 268–271.*

¹⁰ В Пруссии (часть императорской Германии) планировались профилактические аресты поляков в 1914 году (*Boysen J. Preußische Armee und polnische Minderheit. Royalistische Streitkräfte im Kontext der Nationalitätenfrage des 19. Jahrhunderts (1815–1914). Marburg, 2008. S. 283–289*).

¹¹ Данные вопросы я рассматривал в работе *Polska między Rosją a Niemcami w czasie I wojny światowej, Pierwsza wojna światowa w kontekście stosunków polsko-niemieckich / Red. L. v. Zitzewitz. Szczecin, 2015*.

¹² Русские так и не смогли провести эффективную мобилизацию польской молодежи в российскую армию – административный аппарат государства был очень медлительным.

¹³ *Tomaszewski R. Odbudowa polskiego szkolnictwa wojskowego 1908–1923 (Geneza. Koncepcje. Struktury. Rozwój). Toruń, 1997. S. 59.*

¹⁴ Позиция тайного прусского советника доктора Юзефа Пачковского от 1915 года (*Labuda G. Memoriał Józefa Paczkowskiego o „sprawie polskiej” w I wojnie światowej z 1915 r. // Polska i Niemcy. Dziesięć wieków sąsiedztwa. Warszawa, 1987. S. 243*).

¹⁵ *Sdziżkov D. Epoka inteligencji. Historia porównawcza warstwy wykształconej w Europie. S. 126, 161* (“1918 год, когда над головами немецкой и российской интеллигенции прозвучал похоронный звон, стал моментом триумфа для польской интеллигенции. У нее было полное право считать, что новое государство – дело ее рук”); *Zernack K. Polska i Rosja. Dwie drogi w dziejach Europy. Warszawa, 2000. S. 447.*

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ Решения, предворяющие работу Сейма, например, декрет от 7.02.1919 года «*Об обязательном школьном образовании*». А завершил этот процесс закон от 13.07.1920 года «*Об академических школах*». Нововведения заложили основы образовательной системы Второй Речи Посполитой, скорректированные в последующей енджеевичской реформе (1932–1934), действовавшей до 1948–1949 гг.

¹⁸ Автор закона – министр по вопросам религии и народного образования Станислав Лопушанский, который частично был ответственен за внедрение новой системы. Позднее он стал организатором и многолетним директором элитарной экспериментальной школы (лицея) в Ридзине, которая в свою очередь тесно сотрудничала с лицеем в Кременце.

¹⁹ Аттестат о среднем образовании был главным условием для поступления в вуз; плюс многие преподаватели университетов, вследствие ограниченного количества квалифицированных учителей в средних школах, подрабатывали в гимназиях или лицеях. В свою очередь это трактовалось как проявление патриотизма. В то же время среднее образование оставалось на очень высоком уровне.

²⁰ Ограниченное количество украинских выпускников средних школ и профессуры противоречило требованиям, которые выдвигались перед академической школой во Второй Речи Посполитой, а также противоречили закону 1920 года и енджеевичской реформе 1933 года (*Draus J. Uniwersytet Jana Kazimierza we Lwowie 1918–1946. Portret kresowej uczelni. Kraków, 2007. S. 17–19*).

²¹ Создание еврейского университета при помощи польской академической среды было реалистичным, поскольку достаточно большое количество профессуры и абитуриентов были еврейского происхождения. Организаторы еврейского университета располагали финансовыми средствами. По-

пытка организовать университет вне Польши (в Гданьске) скомпрометировала эту инициативу, поскольку в 1930-е годы происходило усиление нацистского режима (*Berendt G. Uniwersytet Żydowski w Gdańsku – projekt niezrealizowany // Polska i jej sąsiedzi. Studia z dziejów, kultury, gospodarki i myśli politycznej / Red. M. Hejger, W. Skóra, Pruszcz Gdański. Słupsk, 2010. S. 29–35*).

²² *Jastrzębski J. Państwowe szkolnictwo akademickie II Rzeczypospolitej. Zagadnienia systemowe. Kraków, 2013. S. 34. Именно поэтому часть высших военных школ не получили академический статус, хотя работу в этом направлении вела специальная межведомственная комиссия 1937–1939 гг.*

²³ Количество ее представителей возросло с около 500 тыс. в 1921 году до около 900 тыс. в канун Второй мировой войны (*Roszkowski A. Najnowsza historia Polski 1914–1943. Warszawa, 2003. S. 373*).

²⁴ Впервые нейтральный «мир науки» был спровоцирован „*Rasporycheniem prezidenta Pechi Pospolitoj ot 24.02.1928 g. o professionalnykh otношениях профессоров gosudarstvennykh akademicheskikh shkol i vspomozhatelnykh sil etikh shkol*”, Dz.U. z 1928 r., nr. 24, poz. 204.

²⁵ *Jastrzębski J. Państwowe szkolnictwo akademickie II Rzeczypospolitej. Zagadnienia systemowe. S. 346 (баланс сил в сети профессорских кадров в 1933–1939 годы в некоторых академических школах).*

²⁶ *Ibidem; Dybiec J. Idea uniwersytetu w Polsce w XIX i XX wieku // Z dziejów polskiej teorii i praktyki edukacyjnej / Red. W. Szulakiewicz. Toruń, 2009. S. 136–138.*

²⁷ *Świecki A. Oświata i szkolnictwo w Polsce Ludowej. Warszawa, 1968. S. 86.*

²⁸ Подобное происхождение имеют университет в Дрогобыче и Кременецкая областная гуманитарно-педагогична академия.

²⁹ Данное понятие позаимствовано из названия книги Романа Братного «Колумбы. Год рождения двадцатый». Книга представляет собой литературное описание поколения двадцатилетних поляков, которые окончили школу перед войной.

³⁰ *Jędrzejewicz J. W krainie wielkiej przygody. Lwów (maj), 1939. Бывший министр и премьер опубликовал свой воспитательный манифест накануне войны, адресованный собственно поколению Колумбов; выражение «большое приключение» означало в книге достойно прожить собственную жизнь.*

³¹ *Jastrzębski J. Państwowe szkolnictwo akademickie II Rzeczypospolitej. Zagadnienia systemowe. S. 24.*

³² Dz. U. z 1947 nr 66, poz. 415.

³³ Так называли польских коммунистов, которые перед войной постоянно проживали в СССР и плочо ориентировались в социальных реалиях Польши.

³⁴ В 1950–1956 годы в СПМ входили 70% студентов.

³⁵ *Hejnicka-Bezwińska T. O zmianach w edukacji. Konteksty, zagrożenia i możliwości. Bydgoszcz, 2000. S. 74–81; Idem. Zarys historii wychowania 1944–1989 (oświata i pedagogika pomiędzy dwoma kryzysami). Kielce, 1996. S. 6–7, 44–45, 51–54. Понятие «идеологическое государство», предложенное профессором Хейницкой-Безвиньской (Hejnicką-Bezwińską), можно назвать удачным в части, которая относится к формированию «нового человека» – коммуниста. Однако предложенная классификация взглядов польской академической среды, относящихся к 1944–1948 годам, абсолютно неверна. Частично ее можно применить к анализу позиций преподавателей вузов в период 1949–1955 и лишь очень избирательно по отношению к событиям 1956–1989 гг. Для университетов и академической среды в целом весьма характерным было держать дистанцию по отношению к переменам, социальному выслуживанию и прогосударственной позиции.*

³⁶ Подобным образом поступили с университетами в СССР. Последствия старой политики заметны до сегодняшнего дня и нашли свое отражение в системе образования в России и в Украине. Налицо огромное количество маленьких нишевых институтов, выпускающих «новый пролетариат». Продолжением советской стратегии на занятых советами территориях в 1939–1945 годах стало создание региональных малых и научно слабых высших школ. Эффект был схожим и предоставлял возможность смены элит.

³⁷ В 1956 году студенты и молодая интеллигенция стали доминировать над Союзом польской молодежи как плебейской пристройкой Польской объединенной рабочей партии. Духовное и идейное лидерство перешло к редакции журнала «Просто» („*Po Prostu*”), который вместе с другими изданиями фактически стал причастен к ограничению цензуры (*Pomianowski J. Torowanie drogi do wolności w sferze kultury // Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / Red. A. D. Retfeld, A. W. Torkunow. S. 517; Rykowski Z., Władysław W. Polska próba Październik '56. Kraków, 1989. S. 222–226, 155; „Po raz pierwszy w historii powstał sojusz cenzury z prasą”).*

³⁸ Среди них можно отметить фигуры Яцека Куроня и Кароля Модзелевского (*Kuroń J. Wiara i Wina. Do i od komunizmu. Warszawa, 1990; Modzelewski K. Zajeżdźmy kobyłę historii. Wyznania poobijanego jeźdźca. Warszawa, 2013*).

³⁹ *Rykowski Z., Władysław W. Polska próba Październik '56. Kraków, 1989. S. 225–226.*

⁴⁰ *Ibidem. S. 267, 282–283.*

⁴¹ *Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych. t. 1/1950.*

⁴² Смотрите, например, воспоминания профессора Юзефа Пиетера (*Kostera M., Rosiak A. Zajęcia dydaktyczne*. Sopot, 2005. S. 96).

⁴³ В сегодняшней системе образования некоторых бывших советских республик функционирует понятие «специалист» – выпускник высшей школы первого уровня, что сравнимо с польским «техник» (выпускник средней школы – техникума). Ограничение количества общеобразовательных лицеев в Польше имело явный политико-идеологический подтекст. Его целью было уменьшение критически мыслящей элиты.

⁴⁴ *Świecki A. Oświata i szkolnictwo w Polsce Ludowej*. S. 104.

⁴⁵ *Topolski J. Procesy twórcze kształtowania się socjalistycznego społeczeństwa polskiego (1944–1974)* // *Spółczesność Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej* / Red. A. Czubiński. Warszawa, 1977. S. 33.

⁴⁶ Это были типичные молодые люди, «злые», обманутые Польским союзом молодежи, которые позднее сделали академические или политические карьеры в качестве антикоммунистических оппозиционеров (*Kuroń J. Wiara i Wina. Do i od komunizmu; Modzelewski K. Zajeżdżimy kobyłę historii. Wyznania poobijanego jeźdźca*).

⁴⁷ *Świecki A. Oświata i szkolnictwo w Polsce Ludowej*. S. 97, 114. Типично интеллигентская организация, которая разительно отличалась от Союза польской молодежи, поддерживаемого коммунистами Союза коммунистической молодежи.

⁴⁸ *Polski Październik 1956 roku na Uniwersytecie Jagiellońskim* / R. Klimek (red.). Kraków, 2004.

⁴⁹ *Raport o Stanie Oświaty w PRL. Warszawa, 1973* (рапорт до сих пор актуален, несмотря на специфическую стилистику, обусловленную коммунистическим строем).

⁵⁰ *Judt T. Kiedy zmieniają się fakty*. Poznań, 2015. S. 439; *Tomaszewski R. University in education system and the social-cultural area* // *Uczynienie Zapiski*. Т. XXIII. Charków, 2017. S. 273.

⁵¹ *Miśkiewicz B. Polskie szkolnictwo wyższe w latach 1981–1987*. Toruń, 2003. S. 89.

⁵² *Bucharin N. I. 1956 rok – XX Zjazd. Polski Październik. Walka o autonomię* // *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)* / Red. A. D. Retfeld, A. W. Torfunow. Warszawa, 2010. S. 502 («*Рокоссовский ... вежливо отметил: «не вся польская армия выслушает теперь мой приказ...». Хрущев утвердился во мнении, что «ситуация была не совсем хорошей»; Rykowski Z., Władyka W. Polska próba Październik '56*. S. 238–257, 262–264. («*Движение социального протеста охватило всю армию... Во всех подразделениях – от кабинета министра национальной обороны до ... музыкальной студии для капельмейстеров прошли вече и собрания*»); *Topolski J. Polska dwudziestego wieku 1914–1994*. Poznań, 1994. S. 186 (Стефан Братковский: «... мы с «Просто» во главе, сами не смогли бы провести польский «октябрь»»).

⁵³ *Dubiński K. (opr.) Okrągły Stół*. Warszawa, 1999. S. 95–108.

⁵⁴ *Ibidem*. S. 20, 188 (непосредственно в главных заседаниях приняли участие 56 человек с двух сторон).

⁵⁵ Что противоречит тезису Дениса Сдвижкова о выгорании миссии элит в начале XX века.

⁵⁶ *Judt T. Powojnie. Historia Europy od roku 1945*. Poznań, 2013. S. 211.

⁵⁷ *Dz.U. z 1982 r. nr 14 poz. 113*. Данный закон был достаточно либеральным, принятым под давлением политической оппозиции в 1981 году, в результате забастовок академических сотрудников в феврале-марте 1981 г. Новеллизация закона, которую коммунисты навязали в 1985 году, была очередной попыткой установить полный административный контроль над высшим образованием ценой академических свобод – процесс хорошо описан в работе Б. Миськевича.

⁵⁸ *Dubiński K. (opr.) Okrągły Stół*. S. 339 (*Заметка с заседаний подгруппы по вопросам науки, образования и технического прогресса 3 марта 1989 года*, автор – майор А. Минкович). Спецслужбы ПНР еще в 1989 году пытались манипулировать академической средой, а в более широком понимании – элитами. Это делалось, например, путем участия офицеров безопасности во всех формах заседаний круглого стола. И ведущий оппозиционер профессор Чеслав Геремек, и генерал Чеслав Кишак, министр внутренних дел, подтвердили, что Польская объединенная рабочая партия воспринимала интеллектуальные круги как самые опасные (*Bereś W., Skoczylas J. Generał Kiszczak mówi... prawie wszystko*. Warszawa, 1991. S. 71).

⁵⁹ *Lepkowski T. Rozważania o losach polskich*. Londyn, 1987. S. 177–178.

⁶⁰ *Topolski J. Procesy twórcze... S. 31–32*.

⁶¹ Символом надменного отношения к образованным людям является слово «образованенький» (близкое по смыслу к «образованщина»). В политический дискурс оно попало в 2005 году благодаря социологу Людвигу Дорну, на тот момент члену правления ПиС, а также министру внутренних дел. Это была попытка противопоставить среднестатистического поляка (т.е. массы) якобы коррумпированным и богатым образованным элитам. Что одновременно стало началом раскола в обществе и дало старт социальным разделам и дезинтеграции. Данную социотехнику ПиС использует опять, начиная с 2015 года. Это противоречит всем предыдущим наработкам польских элит на протяжении XX века.

⁶² *Dz.U. z 2005 r. nr 164, poz. 1365*. На самом деле закон на три месяца опередил приход к власти ПиС, однако новеллизацию закона в 2007 г. готовили кабинеты министров популистически настроенных правых.

⁶³ Czerepaniak-Walczak M. Fabryki dyplomów czy universitas? O “nadwiślańskiej” wersji przemian w edukacji akademickiej. Kraków, 2013. S. 38.

⁶⁴ Ситуацию можно сравнить с попытками скрыть оплату за обучение в университетах Второй Речи Посполитой путем взимания частичной оплаты.

⁶⁵ В данном случае, когда военные вузы выбрали стратегию конкуренции и стали обмениваться с другими сегментами образовательной системы, это привело к тому, что уровень образования повысился (Tomaszewski R. Koncepcje uczelni wojskowej w Polsce XX wieku (międzyedukacyjną autarkią aotarciem) // Z dziejów polskiej teorii i praktyki edukacyjnej / Red. W. Szulakiewicz. Toruń, 2009. S. 166–170).

⁶⁶ Имея бесспорный политический и академический авторитет, профессор Бронислав Геремек отказался подписать документы о люстрации в 2007 году. Он сделал это вполне осознанно, понимая, что его могут уволить из университета. Подобным образом поступила значительная часть представителей академических кругов. Нетривиальным на этом фоне казалось в 2007 году нарочитое подчеркивание профессорского статуса президента Леха Качинского тогдашним председателем Комитета научных исследований (в ранге министра) профессором Михалом Клейбером (Michał Kleiber) во время его лекции о роли университета в 2007 году в Лондоне (я был на этой лекции – P.T.).

⁶⁷ «... готовым для использования продуктом, который не требует даже встряски перед употреблением» (Czerepaniak-Walczak M. Fabryki dyplomów czy universitas? O “nadwiślańskiej” wersji przemian w edukacji akademickiej. S. 45), но работодатели и так не будут им довольны.

⁶⁸ Nipperdey T. Rozważania o niemieckiej historii. S. 238–245 («...наперекор всем фанатикам эгалитаризма ... университет сам по себе не является демократическим институтом... речь в нем не о политике, а о науке» (речь также не идет о социально-экономических вопросах, для этого существуют специальные учреждения – P.T.)); Judt T. Powojnie... S. 489.

⁶⁹ Новым пролетарием общества потребления может стать безработный с высшим образованием. Накопление критической массы подобных случаев может привести к тому, что масса превратится в ничто – «новый (люмпен) пролетариат», образованный и фрустрированный» (Gasset J. O. Bunt mas. Warszawa, 2002; Spiwak P. Między indywidualizmem a niezależnością // Polska jedna czy wiele. Warszawa, 2005. S. 160.). Примером является личность Дональда Трампа, выбранного президентом.

⁷⁰ Томашевский P. Академический капитализм и университетская миссия (правда в качестве товара на рубеже XX–XXI столетий) // Naukowy Wistnik, № 8 (seria pedagogika). Krzemieniec, 2017. С. 48–57.

⁷¹ Toffler A. Szok przyszłości. Poznań, 1998. S. 395–396.

⁷² Форма презрения для элит «образованенькие», популярная в 2005–2007 гг., после 2015 года мутировала в очередной уничижительный эпитет „жирные коты».

⁷³ Kiljas J. Uczeni i politycy – polityka a pole akademickie // Elity rządowe III RP 1997–2004. Portret socjologiczny / Red. J. Raciborski. Warszawa, 2006. S. 253–282.

⁷⁴ Kwiatkowska A. Charakterystyka społeczno-demograficzna polskiej elity rządowej 1997–2004 // Elity rządowe III RP 1997–2004. Portret socjologiczny / Red. J. Raciborski. Warszawa, 2006. S. 64–66.